

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Среда, 14-го (27-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8151.

носящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ Воскресенской земской больницѣ (близъ Новаго Иерусалима) у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго, потомъ нѣдѣлю былъ врачомъ въ эзенгородской больницѣ. Въ холерные годы (1892—1893) заведывалъ меликовскимъ участкомъ Серпуховскаго уѣзда.

Виденъ ли въ Чеховѣ-писателѣ Чеховъ-врачъ?

* * Поселянинъ (Моск. Вѣд.), характеризуя произведенія А. П. Чехова, замѣчаетъ, что во всѣхъ ихъ звучитъ одна и та же жалостная нотка.

Не онъ со своими героями господствовалъ надъ жизнью и направлялъ ее по-своему. А жизнь помала, катѣчила и извращала его героев. Въ нихъ слабость и непротивленіе славянской натуры достигли высшаго своего выраженія. Они Обломовы, еще болѣе несчастные, чѣмъ первозданный Обломовъ, потому что они болѣе чуткіе, болѣе дѣятельные, но столь же, въ общемъ, безсильные. Галлерей Чеховскихъ типовъ сродна въ этомъ отношеніи съ героемъ знаменитаго романа крупнѣйшаго современнаго славянскаго писателя, Сенкевича, „Безъ догмата“, въ которомъ такъ ярко обрисована проклятая „славянская непроизводительность“.

Не то, чтобы у этихъ людей не было духовнаго содержанія. Посмотрите на доктора Астрова въ „Дядѣ Ванѣ“, на самого дядю Ваню. Они хорошие люди, жизнь ихъ была полна сочувствія, желанія добра ближнимъ. Но одинъ впадаетъ въ провинціальной средѣ и спивается; другой убѣждается, что все самоотверженіе его жизни было совершенно даромъ, что чело-вѣкъ, на котораго онъ работалъ, зарывъ въ эту работу свою молодость,—бездарная и пошлая тупица. И крикъ его, когда онъ хочетъ стрѣлится, о томъ, что его жизнь прошла даромъ, какъ болѣзненно и понятно отзвучитъ въ тѣхъ людяхъ, которые тоже обманулись, тоже не нашли своего пути.

А изъ какихъ невыносимыхъ страданій сплетена жизнь молодого Треплева въ „Чайкѣ“! Какъ даромъ гибнетъ Нина Зарѣчная въ рукахъ плюбленнаго въ себя, мелкодушнаго писателя Тригорина, когда около нея—обожавшій ее Треплевъ. И тутъ жизнь напутала и надругалась.

Господи, какъ не стосковаться среди этихъ лицъ, какъ не заразиться глубокимъ уныніемъ, и, несомнѣнно, Чеховъ навелъ не мало пессимизма на подроставшую молодежь. Наво быть очень стойкимъ, чтобы не поддаться гипнозу его унынія.

Авторъ пытается далѣе дать историческое объясненіе для этого современнаго унынія.

Разбуженная отъ спячки къ самостоятельности Гоголемъ, пристегнутая Щедринымъ, русская интеллигенція чувствуетъ, что не можетъ уже жить растительною жизнью, а жить культурно, утративъ нѣру, тоже не можетъ, а потому выбилась изъ колен и пасуетъ предъ непосильною задачей.

Вѣдь, при духовной уравновѣшенности характера, тотъ же Астровъ оздоравливалъ бы свой уѣздъ и чувствовалъ бы себя полезною частью великой мирно работающей арміи. Дядя Ваня еще успѣшно занимался бы хозяйствомъ и не считалъ бы, что прожилъ безплодно. Но, увы, порывы и замыслы нашей интеллигенціи не соразмѣрны съ ея дѣйствительными силами и значеніемъ. Страстное желаніе работать, при отсутствіи увѣренности въ трудѣ, болшія претензіи и полное духовное банкротство, объясняющіяся неизмѣнимъ какого-нибудь прочнаго міросозерцанія, управляющаго жизнью: вотъ одна изъ причинъ современнаго пессимизма интеллигенціи.

Успѣхъ Чехова тѣмъ и объясняется, что онъ понял и отразилъ переживаемую нами эпоху душевнаго безвременья.

До какихъ же поръ будетъ продолжаться это духовное безвременье русской интеллигенціи? Очевидно, до той поры, пока, наученная горькимъ опытомъ, она не перестроитъ свои идеалы въ большемъ соотвѣствіи съ дѣйствительными нуждами того народа, который она хочетъ вести за собою. Тогда думаемъ, не будетъ больше той массы пришибленныхъ и озлобленныхъ, которая составляетъ теперь главный кадръ русской интеллигенціи и даетъ ей общую окраску.

* * Въ статьѣ „Въ чемъ наша слабость“, помѣщенной въ „Новост.“, г. Бабенко находитъ, что наша главная бѣда—въ нашей разрозненности. Авторъ совѣтуетъ брать примѣръ съ евреями.

Хочешь ставить примѣромъ общность и солидарность еврейскаго населенія... И въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ объяснить жизненность почти безправнаго евреиства, какъ не этой его общностью и солидарностью и братскими, ровными, дружескими отношеніемъ между всѣми слоями у этой народности, начиная отъ самыхъ богатыхъ и интеллигентныхъ и кончая простыми поденщиками? Значитъ, мы въ нихъ имѣемъ живой и близкій примѣръ того, какую силу даютъ общность, сплоченность и равенство. Къ несчастью, мы не только не пользуемся этимъ примѣромъ, и не усваиваемъ и себѣ чего-нибудь подобнаго, а—напротивъ—почему-то осуждаемъ ихъ, именно, за эту ихъ сплоченность, общность и силу.—Они-де насъ этою своею общностью эксплуатируютъ“.

Нѣтъ, не они насъ эксплуатируютъ свою общностью, а мы сами себя эксплуатируемъ и обезсиливаетъ и извѣтъ, и внутри собственною своею разрозненностью, своимъ презрѣніемъ къ „нижней братіи“, то-есть къ нашему-же кормильцу-народу, съ одной стороны, и недоверіемъ, подчасъ даже ненавистью къ интеллигенціи, къ „панамъ“ да къ „барамъ“, съ другой стороны.

Да, устраните эту разрозненность въ средѣ великаго русскаго народа, слейте всѣ элементы его въ одно русло взаимной солидарности, уваженія и общности интересовъ, и для насъ не будетъ страшна никакая „желтая опасность“. Но въ томъ-то и горе, что этого-то у насъ нѣтъ, да, пожалуй, и не предвидится.

Не предвидится, потому что люди объединяются въ тѣсно сплоченныя группы не здорово живешь, а въ силу необходимости въ такомъ объединеніи. Такая именно необходимость существуетъ для евреевъ, живущихъ въ чужой странѣ, среди предубѣжденно настроеннаго къ нимъ населенія, но ея совсѣмъ не существуетъ для кореннаго населенія Россіи, способнаго объединиться только въ минуты общей опасности. Настаетъ такая общая, всѣми сознаваемая опасность, и объединеніе явится само собою.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

* * Въ „Русск. Инвал.“ г. Батьяновъ сопоставляетъ обложеніе Портъ-Артура съ осадой Севастополя.

Всѣ мы тогда сознавали, говорить авторъ, что нужно умереть, отстаивая родной городъ. Всѣ мы сознавали, что такъ думала и вся Россія, которая душой и сердцемъ была съ нами. Въ такомъ же положеніи находятся теперь и славные защитники Портъ-Артура: имъ выпала счастливая доля отстаивать нашъ оплотъ на Дальнемъ Востокѣ и, отстаивая, умирать съ вѣрою, что на смѣну имъ придутъ другіе. Какъ на помощь осажденному Севастополю шла армія, такъ теперь на выручку гарнизона и флота Портъ-Артура снаряжается балтійская эскадра, которой предстоитъ завидная и высокая по своему значенію задача—не только выручить товарищей, но и положить конецъ дерзко навязанной намъ Японіей войнѣ.

Къ этой аналогіи, пожалуй, можно кое-что и прибавить. Севастополь на полуостровѣ и Портъ-Артуръ на полуостровѣ, въ Севастополь вели дурныя дороги, ну, и съ Портъ-Артуромъ сообщенія неважныя и т. п. Но какой смыслъ этой аналогіи, если нѣтъ аналогіи между самыми важными фактами борьбы? Вспомните, что подъ Севастополемъ мы кибли противъ себя чуть не всю Европу, ну, а подъ Портъ-Артуромъ только Японію.

* * Въ „Русск. Вѣд.“ товарищъ покойнаго А. П. Чехова по московскому университету, врачъ Россолимо приводитъ автобіографію покойнаго А. П. Чехова, написанную имъ еще въ 1885 году для товарищескаго альбома. Въ автобіографіи А. П. объясняетъ, между прочимъ, почему, выбравъ медицинскій факультетъ случайно, онъ потомъ никогда не раскаивался въ своемъ выборѣ.

Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность: они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе и вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научными методами всегда держало меня на сторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соотнобщать съ научными данными, а гдѣ невозможно, предположенія не писателя, а гдѣ возможно, предположенія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нѣльзя изображать на сценѣ смерть отъ яда тахъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ той условности т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это—только условность и что онъ имѣетъ дѣло съ сѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, от-